

О.А. Крапивкина

О РОЛИ ФАКТОРА АДРЕСАТА В СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализируется роль фактора адресата как категории, детерминирующей судебные дискурсивные практики агентов юридического поля. Доказывается, что учет адресата определяет эффективность коммуникации. Делается вывод о том, что перлокутивный эффект речи определяется тем, насколько говорящий ориентирован на адресата, активизирует свои знания и представления о нем, создавая его гипотетический образ. Материалом для исследования послужили тексты защитительных речей российских и американских адвокатов.

Ключевые слова: фактор адресата; судебные дискурсивные практики; перлокутивный эффект; асимметрия знания и власти; диалогизация; термин.

Как справедливо отмечал Б. Паскаль, «в чем бы ни вздумалось убеждать, всегда следует видеть того, кого убеждают; необходимо знать его ум и сердце, правила, которыми он руководствуется, и предметы, которые он любит» [1. С. 277].

На особую роль адресата указывал еще Аристотель, отмечая, что «речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего» [2. С. 14].

В античной риторике слушатель имел статус активного, «интерпретирующего» реципиента. Аристотель отмечал, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [Там же. С. 18], подразумевая, что выбор и комбинация средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория, их воспринимающая.

Особый вклад в разработку фактора адресата внесла теория речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Сёрль, Г.П. Грайс и др.), социолингвистика (Р.Т. Белл, В.И. Карасик, И.П. Тарасова, Д.Х. Хаймс и др.), когнитивная лингвистика (Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, В. Кинч, Е.С. Кубрякова и др.), теория аргументации (Х. Перельман, Ф. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст и др.).

Идея о необходимости учета фактора адресата проходит красной нитью через работу У. Чейфа, который подчеркивает необходимость изучения процессов, связанных с оценкой говорящим «интеллектуальных и рабочих возможностей адресата в пределах конкретного контекста речи: опираясь на результаты этой оценки, говорящий “упаковывает” передаваемое содержание эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить» [3. С. 36–39].

Вопросы, связанные с фактором адресата, разрабатываются в русле лингвопрагматики. Так, Р.С. Столнейкер отмечает, что «для достижения взаимопонимания крайне важно, чтобы участники любого фиксированного контекста имели общий набор пресуппозиций» [4. С. 428].

Г.Г. Кларк и Т.Б. Карлсон выделили два типа слушающих (адресат и случайные слушающие) в зависимости от их роли в речевом акте и информирующей силы высказывания, а также ввели понятие «эскиз реципиентов», отметив, что «когда говорящие конструируют свои высказывания, они отводят различным слушающим различные роли, а затем решают, как сказать то, что они говорят, основываясь на своих знаниях, убеждениях и

предположениях о том, что знают, в чем убеждены и что предполагают слушающие в соответствии с отведенными им ролями» [5. С. 282].

Одно из центральных мест понятию «адресата» или «аудитории» отводится в теории аргументации. Понятие аудитории является одним из ключевых в модели аргументации Х. Перельмана: «каждая речь обращена к аудитории и, о чем часто забывают, это также относится ко всякому написанному тексту. Поскольку речь понимается с точки зрения аудитории, физическое отсутствие читателей может привести писателя к уверенности, что он один в мире, хотя его текст всегда обусловлен, сознательно или несознательно, теми людьми, к которым он хочет обратиться. Оратор действительно должен приспособливаться к своей аудитории, если хочет получить какой-то эффект, и мы можем легко понять, что речь, которая будет эффективно воздействовать на некомпетентную аудиторию, не сможет таким же образом воздействовать на философа» [6. Р. 7].

Программой для российской лингвистики стала статья Н.Д. Арутюновой *Фактор адресата* (1981), в которой автор поставила проблему влияния различных «аспектов, амплуа или функций» адресата на адресанта. Фактор адресата охарактеризован в его отношении к (1) речевым актам, (2) внутренней речи и (3) литературному тексту. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «мы пользуемся термином “адресат”, подчеркивая при этом сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой. Иными словами, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [7. С. 358]. Исследователь обращает внимание на то, что в реальных дискурсивных практиках осуществляется некоторое «давление» фактора адресата на речь, а «ошибка адресатом» равна обращению не в ту инстанцию.

Дихотомия «автор–адресат» на материале публицистических текстов получила освещение в докторской диссертации Т. В. Чернышовой. Исследователь отмечает важную роль фактора адресата, полагая, что «тексты современных СМИ меняют отношения между коммуникантами, переводя их из плоскости «активный автор – пассивный адресат» в плоскость когнитивно-речевого взаимодействия участников газетной коммуникации,

при котором адресат является со-участником общения и активным интерпретатором речевых действий адресанта. <...>. Интерпретируя реальное событие, пишущий не может не принимать во внимание фигуру адресата, который в современных социально-политических условиях определяет цель акта газетной коммуникации» [8. С. 4–11].

Отдавая должное упомянутым выше концепциям, следует, однако, заметить, что комплексного описания проблема фактора адресата применительно к речедельностному пространству судебного разбирательства не получила до настоящего времени. Важная роль этого фактора обуславливает необходимость учета его влияния на способы дискурсивного конструирования мира, выявления основных лингвокогнитивных механизмов, оптимизирующих коммуникативное взаимодействие говорящего и адресата в зале суда. «Согласованность параметров общения говорящего и адресата является одним из важных условий его эффективности» [Там же. С. 51].

Учитывая гетерогенность категорий адресанта и адресата, предлагаем рассмотреть участников судебных дискурсивных практик в соответствии с предложенными А.В. Голодновым критериями [9. С. 140]: 1) с позиции коммуникативной роли; 2) с позиции социальной роли; 3) с позиции типа отношений между субъектами дискурса.

С позиции коммуникативной роли субъектами судебных дискурсивных практик являются конкретно-определенные адресант и адресат. Адресат может быть как индивидуальным (судья), так и коллективным (коллегия присяжных заседателей).

Социальные роли субъектов судебных дискурсивных практик обусловлены ситуацией судебного заседания. Участниками судебного разбирательства являются представители института правосудия (прокурор, адвокат, судья) и участники, которым временно присваивается определенный статус (присяжные, свидетели, потерпевший, подсудимый). Адресатом выступает коллегия присяжных заседателей, которая постановляет вердикт, и судья, который на основании вердикта выносит подсудимому приговор. В отличие от Т.С. Сафроновой, которая утверждает, что непосредственным адресатом судебных речей выступают «наряду с судьей и присяжными, и возможные зрители процесса» [10. С. 65], мы полагаем, что последние не являются тем Другим, которого субъект инициирует совместно пережить вводимые в дискурс интерпретанты. Говорящий не стремится оказать на них речевое воздействие, поскольку они не участвуют в оценке соответствия конструируемого им мира фактам реального мира и здравому смыслу. Так, свидетели, даже будучи непосредственными участниками допроса, являются лишь инструментами, с помощью которых допрашивающие пытаются вовлечь присяжных в конструируемые ими контексты ситуации. По метафоричному замечанию К. Эванса, «свидетель для юриста – такой же инструмент, как сверло для стоматолога, а дачу показаний можно сравнить с удалением зуба – мучительным процессом, который с трудом поддается контролю и может привести к неожиданным результатам» [11. Р. 76].

Коммуникация в суде с участием присяжных является асимметричной, поскольку в роли адресанта и адресата выступают разностатусные субъекты с разным когнитивным багажом, что порождает сложную диалогическую игру, в основе которой, с одной стороны, лежит субъективная реконструкция феноменологического опыта носителя обыденного знания, а с другой – аргументация, базирующаяся на логических принципах и нормах закона с опорой на терминологический каркас экспертного сообщества. Одни входят в зал судебного заседания с багажом экспертных знаний, другие – с жизненным опытом и здравым смыслом. Конечной целью интеракции является формирование совместного контекста интерпретации, другими словами, дискурса согласования.

Присущая участникам асимметрия знания предопределяет диалектичное сосуществование различных форм дискурсивного взаимодействия, переход от одной формы к другой: с точки зрения субъекта-эксперта, Другой способен воспринимать экспертное знание лишь на концептуальном уровне. Чтобы интегрировать свой возможный мир в сознание Другого, эксперт вынужден онтологизировать собственную интерпретанту объекта в возможном мире Другого. В результате онтологизации интерпретанта становится согласованным знанием.

Асимметрия власти в суде с участием присяжных обладает определенной спецификой на различных этапах судебного разбирательства. Если на завершающем этапе рассмотрения судебного дела власть принадлежит и реализуется присяжными, которые коллективным вердиктом подводят итог коммуникативным действиям экспертов, то на протяжении предшествующих этапов в позиции власти находятся юристы. Присяжные заседатели лишены права задавать вопросы участникам процесса, выражать точку зрения, требовать разъяснений и т.п. Юристы, напротив, контролируя информационные потоки, решают, что должно оказаться в фокусе внимания, какие языковые средства использовать для оформления высказываний, какой способ изложения событий выбрать. Коммуникативная власть юристов является следствием 1) их более высокого статуса в юридическом поле, 2) владения кодом правовой коммуникации, 3) обладания знанием правовой реальности и фактических обстоятельств судебного дела.

Присяжные могут формулировать вопросы только в письменном виде и подавать их судье через старшину. Однако непосредственная интеракция с участниками процесса исключается. Если присяжный задаст вопрос непосредственно подсудимому, это будет основанием к отмене приговора. До сих пор остается нерешенной дилемма целесообразности вмешательства присяжных в ход судебного процесса. С одной стороны, задавая вопросы, присяжные заседатели, не являющиеся носителями экспертного знания, могут получить разъяснение сложных правовых категорий. С другой стороны, эти вопросы могут обнаружить «мишени» для манипулятивного воздействия на их сознание.

Интенция судебного оратора направлена на изменение действующего представления присяжных о со-

бытии преступления, личностях подсудимого и потерпевшего, т.е. на конструирование определенного контекста ситуации в Мире Действия, включая конструирование идентичностей участников судебного разбирательства. Ориентир на Другого, учет особенностей его феноменологического опыта и знаний делает дискурсивные практики юристов диалогичными, способствует интенсификации их интерактивных характеристик.

Адресант пытается устранить интеракционную дискриминацию адресата, создать контекст ситуации, в котором оба коммуниканта выступают как равноправные коммуникативные партнеры. С этой целью он использует приемы диалогизации речи, коммуникативной адаптации к адресату посредством перехода на его языковой код.

Одним из таких приемов является переход от термина к понятию с целью формирования совместного контекста интерпретации. Формирование совместного контекста интерпретации в суде с участием присяжных требует передачи экспертного знания с помощью знаков естественного языка. Если говорящий «не хочет остаться непонятым, он вынужден иметь в виду естественно регламентированный коммуникативный код, объединяющий его с адресатом» [12. С. 10–11]. Ясность судебной речи определяется умением оратора учитывать фактор адресата и переключаться с языка экспертного сообщества на естественный язык, определяя юридические термины через понятия.

Обратим внимание на фрагмент судебной речи, в котором адвокат определяет содержание уголовно-правового термина «необходимая оборона»:

*Однако не превысил ли он пределы необходимой обороны? Наше право считает превышением пределов необходимой обороны, если она была несвоевременной, то есть если она началась до начала **реальной опасности** или после того, как вред нанесен и в дальнейшем уже не угрожает. А. начал оборону **своевременно**. Было бы превышением пределов необходимой обороны, если бы в распоряжении А. были иные средства защиты, которыми он имел бы возможность предотвратить дальнейшее нападение, а он предпочел более опасный перочинный нож. Однако других средств самозащиты у него не имелось, и он вынужден был защищаться теми **средствами, которыми он в этот момент располагал** (1).*

Адвокат описывает содержание термина путем указания на его признаки – *своевременность, наличие реальной опасности, доступные средства самозащиты*. Очевидно, что такой дискурс адресован носителю обыденного знания, формируется с учетом предполагаемого когнитивного багажа и опыта Другого. Дескрипции, следующие за термином, позволяют адресату правильно интерпретировать действия подсудимого, «восстанавливают смысл имени, раскрывая свернутое дескриптивное содержание» [13. С. 41], указывая на желание субъекта создать в возможном мире Другого интерпретанту, схожую с собственной.

Приведем еще один пример.

*Ее обвиняют в убийстве общественно опасным способом. **Общественно опасный способ** означает, что*

убить хочешь одного, а опасность возникает и для других (2).

Учитывая отсутствие у адресата экспертного знания и превосходя возможные трудности интерпретации высказывания, субъект прибегает к семантическому развертыванию термина *убийство общественно опасным способом*. Признаками дескрипции являются относительно простая синтаксическая структура и семантическая информация, для интерпретации которой адресату не требуется владеть экспертным знанием.

Рассматриваемый механизм очень часто используется и судьей в напутственном слове присяжным. Судья конструирует правовую реальность, превращая абстрактные правовые категории в обыденные понятия. Юридические термины, составляющие каркас экспертного сообщества, могут быть незнакомы присяжным или иметь в естественном языке иные значения (*убийство, умысел, небрежность, взятка, aggravation, mitigation, burglary, assault* и т.д.). Так, *burglary* в естественном языке имеет значение *breaking into a house and taking something with an intent to steal* [14], а в юридическом – *entering a house or building without authorization while intending to commit a felony inside* [15]. Действия человека, проникшего в дом с намерением убить хозяина (*felony*), будут квалифицироваться как *burglary*, что расходится с обыденным пониманием данного вида преступного поведения. Очевидно, что одно и то же слово имеет разные семантические описания, служащие разным целям, что позволяет говорить о том, что «естественный язык и язык юридический, не разрываясь на автономные подсистемы, имеют качественные различия» [16. С. 13–58].

Таким образом, даже если отказ от юридической терминологии невозможен в контексте судебного заседания, эксперты могут компенсировать когнитивный пробел, имеющийся у адресата.

Любой вербальный контакт есть акт кооперации. Все высказывания продуцируются и интерпретируются, исходя из знания контекста ситуации, предмета общения и коммуникативных целей. Взаимопонимание – результат совместных усилий собеседников, направленных на согласование индивидуальных точек зрения. Для установления контакта адресант должен обладать правильно сформированным образом адресата, который создается на основе имеющейся у адресанта информации о его социальном и когнитивном статусах, мировоззренческих и эмоциональных установках и т.п. «То, что принимается одной аудиторией, не будет принято другой» [17. Р. 19]. Поэтому главная цель оратора – выявить основные характеристики адресата для того, чтобы достичь максимального перлокутивного эффекта.

Рассмотрим два фрагмента защитительной речи.

(1) *Уважаемый суд! Органы предварительного следствия инкриминировали моему подзащитному **умышленное причинение смерти М. и эти действия квалифицировали по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Все доказательства исследованы в процессе судебного разбирательства в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Все они допустимы, достоверны, а в своей совокупности достаточны для того, чтобы по делу был постановлен законный, обоснованный и справедливый приговор** (3).*

(2) *В каждой религии говорится, что власть на земле, она от Бога. Одна из ветвей такой власти, – власть судебная. И частичка этой божественной власти, предоставляющей право судить, сегодня в каждом из вас! Это большая честь, высокое доверие и огромная ответственность!* (4).

В первом фрагменте речь адресована судье – профессиональному юристу, который принимает решения с опорой на исследованные в суде фактические данные и юридические нормы. Симметричная профессиональная коммуникация позволяет адвокату углубиться в юридическую терминологию и создать специфическое поле интерпретации. С помощью термина он демонстрирует имеющееся у него специальное знание и указывает на то, что это знание доступно адресату. Ситуация непонимания между адвокатом и судьей возникнуть не может, поскольку термин определен легко описываемым и единым для коммуникантов набором характеристик.

Во втором фрагменте высказывания адресованы присяжным заседателям, которые принимают решения, опираясь на феноменологический опыт, здравый смысл и объекты мира Ценности. Указывая на факт наделения присяжных властью вершить правосудие, которая имеет божественное происхождение, адвокат конструирует фрагмент мира Действия, в котором опорой конструкции является главная непреходящая ценность христианского мира – Бог.Descriptions, с помощью которых адвокат характеризует право судить, усиливают воздействующий потенциал речи, поскольку *честь, доверие и ответственность* также являются ценностными доминантами. Апеллируя к религиозным началам, адвокат пытается внедрить в сознание адресата идею о милосердии и всепрощении, что означает присоединение адресата к положениям оратора и вынесение оправдательного вердикта. Обращает на себя внимание и употребленный адвокатом квантор *каждый*. Состав присяжных заседателей является гетерогенным, участники могут принадлежать разным вероисповеданиям, поэтому адвокат апеллирует не к религии вообще, а подчеркивает их многообразие, демонстрируя тем самым уважение к религиозным убеждениям *каждого* из присяжных.

Фактор адресата определяет, какой канал воздействия будет положен в основу конструируемого мира – рациональный или иррациональный. Присяжные заседатели имеют индивидуальный опыт интеракции с правовыми явлениями и институтами. Они не могут оценить правовой аспект дела, поскольку не являются экспертами права, не знакомы с теорией доказательств. «Большое значение в дискурсе, обращенном присяжным, приобретают такие категории, как мораль, нравственность, здравый смысл, справедливость и т.п.» [18]. «Одной из важнейших детерминант стремления присяжных к истине и справедливости при разрешении уголовных дел в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях является то, что они сочувствуют и сопереживают общечеловеческим потребностям и чувствам потерпевшего и подсудимого, их родственников, близких им людей» [19]. «Решение присяжных о виновности подсудимого обусловлено имеющейся у них системой представлений об обществе, наказании, типичном поведении, важности следования закону,

ролью, в которой он может представить себя в данной ситуации, тем положением, которое он занимает в жизни» [20. С. 33].

Говорящий должен учитывать и культурные особенности адресата. Так, В.Т. Ефимов отмечает, что «специфика российского менталитета в области правосудия заключается в том, что он ориентирован не столько на правосудие, сколько на “правдосудие”. В России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – правда и справедливость, а высший судья – совесть» [21. С. 329].

В качестве примера культурной обусловленности сфер воздействия на адресата рассмотрим два фрагмента судебных дискурсивных практик российского и американского адвокатов.

Трех студентов московских вузов связывала крепкая дружба, возникшая еще в детстве. Вдали от близких дружба земляков стала еще крепче (5).

В фокусе внимания оказываются ценности, чуждые индивидуалистическому американскому обществу. Пытаясь создать положительный образ подсудимого, адвокат апеллирует к знакам с эмоционально-оценочной коннотацией – *крепкая дружба, дружба земляков*, которые являются архетипами соборной культуры.

This is the case about marriage and equality. They are being denied both the right to marry and the right to equality under the law (6).

Американский адвокат смещает фокус внимания с события преступления на личную жизнь подсудимых, поднимая ключевой для современной западной культуры вопрос об однополых браках. Апелляция к ценностям *marriage, equality* призвана разрушить конструкцию мира прокурора и привлечь внимание к вопросу нарушения законных прав подсудимых (*the right to marry and the right to equality*). Подобная смена парадигмы с целью кардинального изменения контекста ситуации едва ли будет эффективной в российской культуре в силу несколько иного восприятия социальной категории «сексуальные меньшинства».

Еще одна проблема, связанная с фактором адресата, о которой было упомянуто выше, – разнородность состава присяжных заседателей, которая вызывает определенные трудности для судебного оратора, так как он должен принимать во внимание половозрастные характеристики, морально-волевые качества, ценностные установки, индивидуальный опыт и знания, национально-культурные особенности двенадцати различных индивидов, входящих в состав коллегии. Поскольку в суде с участием присяжных юристы опираются прежде всего на аффективные компоненты, необходимо учитывать различия эмоционально-психологического состояния различных категорий людей.

Необходимо, однако, отметить, что судебные ораторы обладают одним несомненным преимуществом: они имеют право выбора адресата путем заявления мотивированных и немотивированных отводов. Интересен опыт А.В. Васильева, который так описывает аспекты, на которые следует обращать внимание при отборе присяжных: «Отбирая присяжных по делу, в котором будет уделено много внимания огнестрельному оружию, надо постараться, чтобы в коллегии были специалисты, которые в нем разбираются хотя

бы в общих чертах (мужчины, отслужившие в армии), либо, если это противоречит стратегии защиты, – чтобы их там не было. Если по делу для защиты представляют ценность медицинские вопросы, то неплохо было бы, чтобы в коллегии были медики. Если разбирается “скинхедское” дело, надо постараться, чтобы там было как можно меньше лиц нетитульной национальности» [22].

Ориентируя дискурсивные практики на адресата, судебные ораторы эксплицируют свое представление о нем и придают ему статус важнейшей дискурсивной

категории. Фактор адресата выступает в судебной коммуникации организующим началом, а отбор языковых средств является логически производным от этого фактора. Перлокутивный эффект речи определяется тем, насколько говорящий ориентирован на адресата, активирует свои знания и представления о нем, создавая его гипотетический образ. Важная роль фактора адресата для судебной коммуникации обуславливает необходимость выявления и изучения лингвокогнитивных механизмов, оптимизирующих дискурсивное взаимодействие говорящего и адресата в зале суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждения // Логика и риторика : хрестоматия. Минск : ТетраСистемс, 1997. 624 с.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. : Изд-во Московского университета, 1978. С. 15–166.
3. Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Наука, 1982. Вып. 11. С. 277–317.
4. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 419–438.
5. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 270–321.
6. Perelman C. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
7. Арутюнов Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1981. Т. 40 (4). С. 356–367.
8. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом сознании современной России : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 577 с.
9. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2011. 401 с.
10. Сафронова Т.С. Вербализация механизмов суггестивного воздействия в судебном дискурсе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 269 с.
11. Evans K. The Golden Rules of Advocacy. London : Blackstone Press, 1993. 109 p.
12. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 8–41.
13. Рассел Б. Описание // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М. : Радуга, 1982. С. 41–54.
14. Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ethnicity>
15. Legal Dictionary. URL: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com>
16. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 11–58.
17. Grasso F. Towards a framework for rhetorical argumentation // Proceedings of the 6th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue (EDIALOG-2002) / ed. by J. Bos, M.E. Foster, C. Matheson. Edinburgh, 2002. P. 53–60.
18. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М. : Изд-во МНИИП, 1994. 128 с.
19. Мельник В. В. Искусство защиты в суде присяжных. М. : Дело, 2003. 203 с.
20. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. М. : Междунар. общ-во им. Л.С. Выготского, 2003. 259 с.
21. Ефимов В.Т. Введение в этнопсихологию. Нравы и нравственность. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. 484 с.
22. Васильев А.В. Отбор присяжных заседателей. URL: <https://pravorub.ru/articles/72610.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Защитительная речь. URL: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm
2. Стенограмма судебного заседания по делу Б. (авторская запись в зале суда).
3. Защитительная речь. URL: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm
4. Защитительная речь. URL: <http://www.yourist-ufa.ru/rech>
5. Защитительная речь. URL: <https://rod-ru.livejournal.com/222574.html>
6. Closing argument. URL: <https://www.oyez.org/cases/2014/14-556>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2019 г.

On the Addressee as a Key Category of Courtroom Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 59–64.

DOI: 10.17223/15617793/448/7

Olga A. Krapivkina, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: koa1504@mail.ru

Keywords: addressee; courtroom discourse practices; perlocutionary effect; asymmetry of knowledge and power; dialogization; term.

The article analyzes the role of the addressee as a category determining courtroom discursive practices of legal professionals. The material for this study was texts of closing arguments of Russian and American lawyers available on Internet websites as well as transcripts of closing arguments written by the author in court sessions. It is emphasized that the idea about taking into account the addressee's role runs through the works of many Russian and foreign researchers (W. Chafe, G.G. Clark and T.B. Carlson, R. Stolnayker, N.D. Arutyunova, T.V. Chernyshova, et al.). However, the problem of the addressee in courtroom discourses has not been studied yet. The important role of this factor makes it necessary to take into account effects of the addressee on the discursive

construction of the world, to identify the main linguistic and cognitive mechanisms optimizing the communicative interaction of the speaker and the addressee in the courtroom. The focus on the Other, taking into account peculiarities of its phenomenological experience and knowledge makes legal discursive practices dialogical, intensifies their interactive characteristics. Special attention is paid to the linguistic cognitive mechanism "transition from the term to the notion", which allows the formation of the common interpretation context in the process of communication of professional and non-professional participants of courtroom proceedings. Clarity of judicial speeches is determined by the ability of the speaker to take into account the addressee and switch from the language of the expert community to the language of lay people, define legal terms through lay concepts. The scientific novelty of the research is due to the choice of the research trajectory which is based on the issue of the addressee's role for producing courtroom discourses. The issue of discursive interaction and methods of its optimization is significant for sociolinguistics and communication theory. The article concludes that the perlocutionary effect of speech is determined by the degree of orientation of the speaker towards the addressee, the adequacy of the addressee's hypothetical image. Mutual understanding is the result of joint efforts of interlocutors aimed at harmonizing individual points of view. In order to establish contact, the speaker must have a correct image of the addressee using information about their social and cognitive status, worldview and emotional attitudes.

REFERENCES

1. Pascal, B. (1997) O geometricheskom ume i ob iskusstve ubezhdeniya [On the geometric mind and the art of persuasion]. In: Berkov, V.F. & Yaskevich, Ya.S. (eds.) *Logika i ritorika* [Logic and Rhetoric]. Minsk: TetraSistems.
2. Aristotle. (1978) *Ritorika* [Rhetoric]. In: Takho-Godi, A.A. (ed.) *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoric]. Moscow: Moscow State University. pp. 15–166.
3. Chafe, W. (1982) Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya [Given, contrast, certainty, subject, topics and point of view]. In: Kibrik, A.E. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 11. Moscow: Nauka. pp. 277–317.
4. Stalnaker, R.C. (1985) *Pragmatika* [Pragmatics]. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 419–438.
5. Clark, G.G. & Karlson, T.B. (1986) Slushayushchie i rechevoy akt [Listeners and the speech act]. In: Kobozeva, I.M., Dem'yankov, V.Z. & Gorodetskiy, B.Yu. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow: Progress. Vyp. 17. pp. 270–321.
6. Perelman, C. (1969) *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
7. Arutyunova, N.D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya Literatury i yazyka*. 40 (4). pp. 356–367.
8. Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v mental'no-yazykovom soznanii sovremennoy Rossii* [Media texts in the mental-linguistic consciousness of modern Russia]. Philology Dr. Diss. Barnaul.
9. Golodnov, A.V. (2011) *Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persuasiveness as a universal strategy of text formation in rhetorical metadiscourse (on German language material)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
10. Safronova, T.S. (2017) *Verbalizatsiya mekhanizmov suggestivnogo vozdeystviya v sudebnom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)* [Verbalization of mechanisms of suggestive influence in judicial discourse (on the material of the English language)]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
11. Evans, K. (1993) *The Golden Rules of Advocacy*. London: Blackstone Press.
12. Golev, N.D. (2000) Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema [Legalization of a natural language as a linguistic problem]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyka v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Legal Linguistics-2: Russian language in its natural and legal being.]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 8–41.
13. Russell, B. (1982) *Deskriptsii* [Descriptions]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 13. Moscow: Raduga. pp. 41–54.
14. *Oxford Dictionaries*. [Online]. Available from: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ethnicity>.
15. *Legal Dictionary*. [Online]. Available from: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com>.
16. Golev, N.D. (1999) Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [The legal aspect of language in linguistic coverage]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-1. Problemy i perspektivy* [Legal Linguistics-1. Problems and prospects]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 11–58.
17. Grasso, F. (2002) Towards a framework for rhetorical argumentation. *Proceedings of the 6th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue (EDILOG-2002)*. Edinburgh. 4–6 September 2002. Edinburgh: Association for Computational Linguistics. pp. 53–60.
18. Burnham, W. (1994) *Sud prisyazhnykh zasedateley* [Jury Trial]. Moscow: Izd-vo MNIMP.
19. Mel'nik, V. V. (2003) *Iskusstvo zashchity v sude prisyazhnykh* [The Art of Defense in a Jury]. Moscow: Delo.
20. Gulevich, O.A. (2003) *Psikhologiya v sude prisyazhnykh* [Psychology in a Jury Trial]. Moscow: Mezhdunar. obshchestvo im. L.S. Vygotskogo.
21. Efimov, V.T. (1993) *Vvedenie v etnopsikologiyu. Nравy i нравственность* [Introduction to Ethnopsychology. Morals and morality]. Moscow: Moscow State University.
22. Vasil'ev, A.V. (2016) Otbor prisyazhnykh zasedateley [Jury selection]. *Pravdorub*. [Online]. Available from: <https://pravdorub.ru/articles/72610.html>.

SOURCES

1. *Speech for the Defense*. [Online] Available from: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm. (In Russian).
2. Transcript of the Court Hearing in the Case of B. (Recorded by the Author in the Courtroom). (In Russian).
3. *Speech for the Defense*. [Online] Available from: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm. (In Russian).
4. *Speech for the Defense*. [Online] Available from: <http://www.yourist-ufa.ru/rech>. (In Russian).
5. *Speech for the Defense*. [Online] Available from: <https://rod-ru.livejournal.com/222574.html>. (In Russian).
6. *Closing Argument*. [Online] Available from: <https://www.oyez.org/cases/2014/14-556>.

Received: 22 July 2019